

К. В. Клименко

Российский гуманитарный научный фонд, Москва

**Оценочность как особый прием субъективации
и как способ передачи авторской позиции
(на материале автобиографических текстов Ю. М. Нагибина)**

Статья посвящена изучению способов выражения оценки в текстах автобиографической прозы Ю. М. Нагибина. Оценочность рассматривается как один из приемов субъективации, позволяющий передать в автобиографическом тексте авторскую позицию. Изучение истории вопроса показывает, что целью оценочного высказывания в большинстве случаев является оказание особого воздействия на адресата, в связи с чем оценочность тесно взаимодействует с экспрессивностью и эмоциональностью. Помимо положительной и отрицательной также можно выделить оценки рациональную и эмоциональную. Исследованный материал свидетельствует, что в автобиографических текстах Ю. М. Нагибина оценочность зависит от субъективного восприятия рассказчика, позволяет выразить его точку зрения. В статье освещаются способы выражения в художественном тексте повышенной экспрессивности, которая создается прежде всего за счет стилистически маркированной лексики, морфологических и словообразовательных средств.

Ключевые слова: субъективация, оценочность, рассказчик, эмоциональная оценка, рациональная оценка, лексика, окказионализмы.

Не ставя перед собой задачу полноценно исследовать серьезную и важную проблему оценочности в языке, остановимся на ней в контексте субъективации повествования рассказчика и авторской модальности в тексте. Приемы субъективации – это прежде всего выход на организацию и композицию текста, но также очень важно рассматривать эту стилистическую категорию на уровне лексики, ведь именно лексика выражает оценочность, мотивируемую особенностями восприятия субъекта. В художественном тексте подчеркивается субъективность этой оценки, точка зрения рассказчика.

Рассмотрим средства выражения оценочности в автобиографических текстах Ю. М. Нагибина в процессе реализации аксиологической функции, то есть репрезентации ценностного отношения рассказчика к описываемым предметам и явлениям.

О. С. Синепупова, изучая оценочную «картину мира», отмечает: «Оценка понимается как приписывание положительных или отрицательных свойств объекту речи... <...> Оценочная семантика есть многоаспектное явление, заключающееся в потенциале слова, фразеологизма или словосочетания, способного эксплициро-

Клименко Ксения Валентиновна – главный специалист Российского гуманитарного научного фонда (ул. Пресненский вал, 17, Москва, 123557, Россия; kvk@rfh.ru)

вать положительные или отрицательные свойства объекта, его фиксацию на оценочной шкале» [Синепупова, 2006, с. 7].

В процессе познавательной деятельности субъект формирует свое отношение к объектам действительности, основанное на оценке этих объектов. Оценочность как лингвистическое понятие может быть определена «как произведенная операция над предметом высказывания» [Колшанский, 2005, с. 121], выражающая широкий спектр отношений субъекта к объекту. Н. Д. Арутюнова пишет: «Оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием; она задает его мышление и деятельность, его отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [Арутюнова, 1982, с. 5].

В современной лингвистике структура, виды, средства выражения оценки разными учеными описываются и систематизируются по-разному. В то же время невозможно ограничивать оценочность в языке лишь рамками логического понимания. Большинство исследователей рассматривают данную категорию прежде всего с позиции положительного или отрицательного описания предмета или явления, выражающего оценку по признаку хорошо/плохо с точки зрения субъекта. Отношение субъекта представлено в языковых единицах, прежде всего лексических.

Н. Д. Арутюнова выделяет три группы оценок: 1) сенсорные оценки, то есть оценки, связанные с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим; 2) сублимированные оценки, к ним относятся эстетические и этические оценки; 3) рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека [Арутюнова, 1999, с. 181].

Целью оценочного высказывания в большинстве случаев является оказание особого воздействия на адресата. Оценочность тесно взаимодействует с такими языковыми явлениями, как экспрессивность и эмоциональность.

Изучение лингвистического аспекта оценки связано с исследованием отражения в языке оценочного суждения, которое может быть понято как лексическое значение слова, как стилистическое или как коннотация.

Академик Ю. Д. Апресян придерживается точки зрения, согласно которой в значении слова содержатся наивное понятие об обозначаемой вещи, ситуации, свойстве, процессе и оценка этой вещи, ситуации со стороны участников коммуникации. Ученый выделяет три основных типа оценочных компонентов: 1) интеллектуально-логический тип, который основан на рационально-оценочных, логических суждениях об объективно присущих референту свойствах; 2) эмоциональный тип, основанный на эмоциях, чувствах, переживаниях, связанных с приписываемыми творческим воображением субъекта свойствами, объективно не присущими данному референту; 3) эмоционально-интеллектуальный тип, основанный на рационально-оценочных суждениях и переживаниях, эмоциях в организационном единстве [Апресян, 1974, с. 175].

Е. А. Чернявская в своем диссертационном исследовании определяет оценочность как «компонент в семантической структуре языковой единицы, оценку, выраженную средствами языка, или заложенную в семантике единицы информацию о положительной или отрицательной характеристике объекта, об одобрительном/неодобрительном отношении к объекту» [Чернявская, 2001, с. 14]. Анализируя различия оценочного, экспрессивного и эмоционального суждений, Е. А. Чернявская приходит к выводу, что в оценочном сообщении содержится информация о ценностной значимости какого-то объекта для говорящего; экспрессивное сообщение нацелено на воздействие на реципиента; эмоциональная же сема выражает конкретное чувство, вызванное у говорящего денотатом [Чернявская, 2001, с. 27].

В русском языке для выражения оценки используются не только лексемы, но также морфемы, словосочетания, интонация, ирония, контекст. При анализе художественных текстов особенно важно разграничивать оценочность речевую (контекстуальную, ситуативную, индивидуальную) и языковую, закрепленную в языковом значении данной лексики. Речевая индивидуальная оценочность проявляется в авторском употреблении языковых единиц, таким образом, в автобиографических текстах исследование именно такой оценочности позволяет описать и охарактеризовать образ рассказчика. Оценочная лексика посредством разграничения по признаку хорошо/нормально/плохо создает субъективное видение мира рассказчиком/говорящим. Субъект речи при этом предстает как «человек мыслящий (приписывающий ценность на основе познанного другими и познаваемого им самим), чувствующий (испытывающий положительные, отрицательные эмоции либо безразличие) и действующий – говорящий (выражающий свое ценностное отношение и воздействующий им на окружающих) одновременно» [Синепупова, 2006, с. 8].

Е. М. Вольф в своей монографии подчеркивает, что «оценка может даваться по самым разным признакам (истинность/ложность и т. д.). Однако основная сфера значений, которые обычно относят к оценочным, связана с признаком хорошо/плохо» [Вольф, 1985, с. 12].

Автобиографическая проза Ю. М. Нагибина характеризуется высокой степенью оценочности, выражением как положительных, так и отрицательных эмоций в их градации, а также повышенной экспрессивностью, которая создается за счет стилистически маркированной лексики, морфологических, словообразовательных и синтаксических средств.

При проведении настоящего исследования примеры использования таких языковых средств были сгруппированы по двум основным категориям: рациональная оценка и эмоциональная оценка.

В авторском повествовании все оценки и суждения принадлежат субъектной сфере рассказчика. Следовательно, хорошо/плохо с точки зрения рассказчика выражает его субъективную оценку, а не объективную характеристику предметов или явлений.

Таким образом, в автобиографической прозе Ю. М. Нагибина примеры выражения рациональной оценки уместно разграничивать по признаку хорошо/плохо, а эмоциональную оценку возможно рассматривать с позиции одобрения/неодобрения.

Стилистические пометы и определения значений слов даются по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова [1986] и «Словарю русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [1999]. Эти издания, в целом современные Ю. М. Нагибину и большинству изучаемых автобиографических текстов, отражают язык того времени.

Оценочность проявляется в контексте целого высказывания, при этом контекст может варьировать оценочное значение каждой конкретной лексики от положительного до отрицательного. Информация о положительной или отрицательной характеристике объекта является компонентом в семантической структуре языковой единицы.

Ю. М. Нагибин для выражения оценки в тексте использует прилагательные, существительные и глаголы. Рассматривая оценочность в контексте лексического значения слов, важно подчеркнуть, что в самих этих прилагательных и существительных заключена сема отрицательной или положительной оценочности.

Приведем примеры отрицательной рациональной оценки, т. е. оценки со знаком «минус»; это реализуемое языковыми средствами негативное, осуждающее, критическое отношение рассказчика к объекту речи: *все жалкие ее туалеты* (Любовь вождей, 2004, с. 7); *своей грубой фразой* (Там же, с. 10); *неприятные*

воспоминания (Там же, с. 7); **зловредный** Женькин характер (Там же, с. 26); **дурные** свойства его характера (Там же, с. 48); один **унизительный** случай (Там же, с. 53); в **страшную психушку** Кащенко (Там же, с. 87); **несвежий** шерстяной шарф (Итальянская тетрадь, 1998, с. 5); с **чудовищной** быстротой пронеслись машины (Там же, с. 13); проявил **жестокую** настойчивость (Там же, с. 143); **выживают самые бездарные, никчемные, вонючие, неумелые и бездушные** (Дневник, 1996, с. 377); **маленькая Лайма, бесцветная, будто ее выварили в щелоке, с водянистыми глазами, со слабыми белобрысыми волосами** (Нагибин, 1980, т. 2, с. 407). Исползованные писателем слова стилистически не маркированы словами, в этом смысле они нейтральны; характеристика объектов в основном дана лаконично, одним или двумя определениями. Также в автобиографических текстах Ю. М. Нагибина для выражения отрицательной оценки могут использоваться стилистически окрашенные слова: *старый пес... с обвислым брюхом* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 23) (*обвислый* – разг.; слово *брюхо* по отношению к животным в словаре стилистически маркировано; по отношению к человеку стоит помета «прост.»; но в языке за этим словом независимо от предмета, к которому оно относится, закрепилось отрицательное значение); *пижон, мелочь, ломака* (Любовь вождей, 2004, с. 46) (*пижон* – разг., *ломака* – разг. неодобр.).

Положительная оценка со знаком «плюс» может быть краткой: **интеллигентные мальчики** (Любовь вождей, 2004, с. 14); **поражал дом невероятными подвалами** (Там же, с. 21); **блаженная тяжесть удара** (Там же, с. 116); **страницы пристойных газет** (Там же, с. 147); **номер в маленькой неплохой гостинице** (Итальянская тетрадь, 1998, с. 28); **к той необыкновенной части города** (Там же, с. 155); **в громадном Даласском аэропорту** (Там же, с. 165); **на широкой проселочной дороге, толсто покрытой мягкой розоватой пылью** (Дневник, 1996, с. 216); **мы купались в мягкой чудесной воде** (Там же, с. 367). За счет нанизывания определений (в том числе контекстуальных синонимов) и последовательного перечисления слов, характеризующих один общий предмет/явление, происходит интенсификация оценки: *мелькнул значительный и умный человек* (Там же, с. 461); *он, конечно, очень добрый и наивный человек* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 368); *разговор тихий, свободный, интеллигентный* (Дневник, 1996, с. 443); *добрым человеком, с могучими мышцами, светлым разумом и умным сердцем* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 293). Также оценка дополнительно интенсифицируется использованием стилистически маркированной лексики: *озорная любовь, голубиный тон* (Любовь вождей, 2004, с. 19) (*голубиный* – перен.); *мой славный предок* (Там же, с. 51) (*славный* – высок.).

Для текстов Ю. М. Нагибина характерен контраст положительной и отрицательной оценки в одном высказывании, благодаря чему читательское внимание особо акцентируется на предмете речи: *сопровождался выдающейся пьянкой* (Там же, с. 33) (*выдающийся* – «выделяющийся какими-н. качествами (обычно положительными)», *пьянка* – прост. неодобр.); *фальшивой сердечностью его завсегдатаев, ласковым жульничеством официанток* (Там же, с. 106) (слова *сердечность* и *ласковый* заключают в себе положительную оценку, слова *фальшивый* и *жульничество* – отрицательную); *на выхолощенную, выхолощенную гладкость моих коллег* (Там же, с. 18) (т. е. «имеющую холерный вид», но при этом «лишенную живого содержания, невыразительную»).

Следует отметить, что в некоторых контекстах возможно выделить сочетание рациональной и эмоциональной оценок в одном предложении, прежде всего за счет переносного значения слов: *складка красивого, горького рта* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 144); *тусклый, печальный свет фонарей* (Дневник, 1996, с. 58); *больное, усталое сердце* (Там же, с. 62); *темно-карие, пушистые глаза* (Там же, с. 78); *бархатистая черная тень* (Нагибин, 1980, т. 1, с. 78).

Рациональная оценочность объективна, характеризует предметы и явления действительности, в то время как эмоциональная – не только содержит оценочное суждение, но также выражает эмоции рассказчика и особым образом воздействует на адресата-читателя. Цель рассказчика при использовании эмоциональной оценочности – ярче и точнее выразить субъективное отношение в каждом высказывании, подчеркнуть свою точку зрения. Анализ оценочного высказывания помогает дополнить характеристику самого субъекта речи, в данном случае – образа рассказчика.

Эмоциональная оценка позволяет выразить одобрение/неодобрение в разной степени: так, например, неодобрение может подразумевать не только негативное, но также презрительное или пренебрежительное отношение рассказчика к объекту высказывания.

Исследователь модального значения неодобрения М. В. Петрушина подчеркивает, что «субъективное отношение говорящего определяет взаимодействие оценочной, эмоциональной и экспрессивной семантики при формировании модального значения в высказывании и его актуализации в речи» [Петрушина, 2005, с. 4].

Для усиления выражения субъективации Ю. М. Нагибин широко использует стилистически маркированную и эмоционально окрашенную лексику, обычно сниженную: *крошечный... театральный бинокль* (Любовь вождей, 2004, с. 7) (*крошечный* – разг.); *более нахрапистый* (Там же, с. 131) (*нахрапистый* – прост.); *на благоуханном ложе* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 10) (*благоуханный* – устар.); *с крошечными фигурками блюстителей порядка в нарядных плащиках с алым подбоем* (Там же, с. 11) (*блюститель* – устар. и ирон.); *находятся в самом паршивом месте* (Дневник, 1996, с. 268) (*паршивый* – прост.); *этой трепачке удалось обмануть всех* (Там же, с. 388) (*трепач* – прост.); *с тухлой мещанской швалью* (Там же, с. 436) (*шваль* – прост. пренебр.); *видно, я дозащищался до полной пустоты* (Там же, с. 52) (приставка «до» с постфиксом «ся» образует глаголы со знач. доведения действия до отрицательного результата); *на длинном шесте водружена молоденькая елочка* (Там же, с. 116) (*водружить* – высок.); *оказывается, я еще не хочу подыхать* (Там же, с. 524) (*подыхать* – прост. пренебр.); *вместо сонно хмельных образин буренковских обормотов* (Нагибин, 1980, т. 1, с. 350) (*обормот* – прост. бран., *образина* – прост. пренебр.); *широкий, ухабистый, весь в колдобинах, наполнившихся водой, большак* (Нагибин, 1980, т. 2, с. 241) (*ухабистый* – разг., *колдобина* – прост.).

Субъективацию оценочности в текстах писателя подчеркивает переносное значение слов: *у них прекрасные, легкие и гибельные лица* (Любовь вождей, 2004, с. 141); *вдруг опять жуткая, душная злоба* (Дневник, 1996, с. 234); *дурная трагикомедия нашего ничтожного и горького существования* (Там же, с. 266); *впечатление от встречи грустное, пасмурное, томительное* (Там же, с. 612). Для Ю. М. Нагибина при выражении эмоциональной оценки характерно использование не одного слова, а целого последовательного ряда определений.

Усилить эмоциональную вовлеченность рассказчика позволяют превосходная и сравнительная степени: *вещи поценнее* (Любовь вождей, 2004, с. 7); *куда более волнующими были те таинственные вздохи* (Там же, 2004, с. 39); *еще более величественный в просторе и одиночестве* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 5); *выбрал самую зловещую дверь* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 148); *не было на свете гаже утенка* (Нагибин, 1980, т. 2, с. 407).

Дополнительную субъективность и экспрессивность оценки позволяет передать словообразование. В. В. Виноградов подчеркивал, что уменьшительные суффиксы являются исключительно формами субъективной оценки [Виноградов, 1986, с. 103]. В языке такие суффиксы могут нести как положительную, так и отрицательную оценку в зависимости от коммуникативной задачи и отношения

субъекта к предмету речи: так, в «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой приведено множество суффиксов с пометами «уменьшительно-ласкательный» или «уменьшительно-пренебрежительный» [Ефремова, 2000]. Все суффиксальные образования оживляют художественный текст, внося в него элементы разговорности. Надо сказать, что это один из самых распространенных приемов оживления литературной речи разговорными элементами, известный с древних времен [Иванова, 2013].

В исследуемых текстах находим такие примеры: *треугольничек тельняшки в распахе ворота* (Любовь вождей, 2004, с. 21); *истинной богатырской силушке* (Там же, с. 48); *маленький, спесивый, но беззлобный киношный человек* (Там же, с. 109); *невысокий круглый человек с чаплинскими усиками* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 19); *отвешивала каждой по любезнейшему поклону* (Там же, с. 24); *сплетает длиннющие пальцы* (Там же, с. 369); *великолепные зубы его обнажаются в опасноватом оскале* (Там же, с. 466); *вместо высокого покоя дрянненькое, мельтешливое, подленькое стремление скорее бежать отсюда назад* (Дневник, 1996, с. 120); *чистенький и утомительный А.* (Там же, с. 17).

Особым видом эмоциональной оценочности, характерной для автобиографических текстов Ю. М. Нагибина, является окказиональное словообразование, обладающее большим экспрессивным потенциалом и призванное подчеркнуть субъективность. Такие новые слова акцентируют внимание, запоминаются, выделяются как в общем контексте, так и вне его: *ведомый косомордым трибуном* (Любовь вождей, 2004, с. 149); *не задохнуться под громоздом упавшей на меня груди костюмерши* (Там же, с. 123); *танк, огромный, горячий, вонький* (Там же, с. 129); *в белостеклянном небе* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 161); *все средства массового оглушения* (Там же, с. 171) (см. правильную форму «оглупление»). Окказионализмы как явление словотворчества при передаче оценочной информации выполняют прежде всего экспрессивную функцию. Для таких слов характерны ненормативность, повышенная экспрессивность, словообразовательная производительность. При этом дважды один и тот же окказионализм Ю. М. Нагибин не использует.

Исследователь оценочной «картины мира» в публицистическом тексте О. С. Синепупова подчеркивает: «Метафоры, эвфемизмы, окказионализмы – это имплицитные оценки как разновидность скрытой оценочности» [Синепупова, 2006, с. 8]. Такая оценочность эмоциональна, даже когда она не выражает прямо значение хорошо/плохо или одобрения/неодобрения: *жалобная улыбка заблудилась в излуцинах морщин* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 209) (олицетворение улыбки, которая заблудилась, и метафора излуцины морщин подчеркивают субъективность точки зрения рассказчика); *парень с желтыми взболтанными белками... глаз* (Там же, с. 179) (отождествление белков глаз с яичными белками привлекает внимание читателя, заставляет задуматься над образом); *он – скрюченный какой-то загадочной болезнью, отчего похож на доисторического ящера* (Дневник, 1996, с. 370) (призма субъективного восприятия рассказчика позволяет отстранить предмет с помощью необычного сравнения).

Особого внимания заслуживает выражение оценочности не только в авторском повествовании, но и в прямой речи рассказчика и других персонажей. Здесь также можно найти примеры как рациональной оценки, так и эмоциональной.

Рациональная оценка в прямой речи выражается более лаконично, чем в авторской, нет нанизывания определений; помимо прилагательных могут быть использованы наречия; обычно встречается положительная оценка: *Вы замечательный спутник* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 191); *У вас сильная и мрачная фантазия* (Там же, с. 199); *Нелегко, наверное, писать такой роман* (Там же, с. 350); *Мы народ кражистый и не особо рослый* (Там же, с. 378); *Вы отлично поправляйтесь* (Дневник, 1996, с. 45).

Эмоциональная оценка проявляется в стилистически маркированных словах, для ее выражения используются прилагательные и существительные; более выразительна отрицательная/неодобрительная оценка: *жид пархатый* (Любовь вождей, 2004, с. 30) (*жид* – устар. и прост.); *В Берды, жидовскую столицу* (Там же, с. 49); *Не надо пьянь в танк сажать* (Там же, с. 127) (*пьянь* – прост. презр.); *Я никудышний верующий* (Итальянская тетрадь, 1998, с. 480) (*никудышний* – разг.); *Позорная наша жизнь* (Дневник, 1996, с. 159); *Миленький Боженька* (Там же, с. 137); *Мы и сейчас самые большие друзья* (Там же, с. 344); *Что с вами, братцы?* (Любовь вождей, 2004, с. 43) (*братец* – ласк.). Все эти характеристики субъективны и экспрессивны, выражают отношения говорящего.

В целом в прямой речи сохраняется примерно такое же соотношение рациональной и эмоциональной оценочности, как в авторском повествовании, используются одни и те же стилистические средства.

Проблема передачи в художественном тексте авторской позиции, авторского сознания, языковой личности автора тесно связана с субъективацией повествования. «Разработка форм субъективации авторского повествования создавала возможности для адекватной передачи внутреннего мира человека в его неповторимом многообразии, в сложности и противоречивости эмоциональных переходов и поворотов, в текучей изменчивости чувств и состояний, углубляла психологическую перспективу и открывала путь к реалистическому отражению жизненных явлений» [Одинцов, 2010, с. 206]. Образ рассказчика в автобиографическом тексте максимально приближен к образу автора, является языковым выражением его позиции. Приемы субъективации позволяют передать в тексте оценочность как негативное или позитивное отношение автора к описываемым предметам и явлениям действительности.

Итак, оценка, как языковое явление, выражает коммуникативные функции языковой системы. Она неразрывно связана с модальностью, прежде всего субъективной, а также с экспрессивностью и эмоциональностью, которые с помощью языковых средств позволяют выразить субъективное отношение рассказчика (говорящего) к предметам и явлениям действительности. Оценка всегда субъективна, так как служит для выражения отношения субъекта к объекту, при этом степень субъективности может быть различна: так, в эмоциональной оценочности субъективность выше, чем в рациональной. Основная лингвистическая функция оценочности в художественном тексте – передача эмоций. Экспрессивно-эмоциональная маркированность лексики дополнительно подчеркивает оценочность и субъективность.

Оценочность зависит от субъективного восприятия рассказчика, позволяет выразить его точку зрения. В связи с этим оценочность можно считать особым приемом языкового выражения субъективации на лексическом уровне. Она близка к конструктивным формам субъективации, ее можно рассматривать как особый вид лексико-семантической изобразительности.

В автобиографических текстах Ю. М. Нагибина широко представлены как рациональная, так и эмоциональная оценки. Писатель в основном использует стилистически нейтральную лексику, но для достижения дополнительной экспрессивности и субъективности применяет стилистически маркированную лексику, а также словообразовательные языковые средства и авторские окказионализмы. В исследованных текстах шире представлено поле негативных/отрицательных/неодобрительных оценок, чем позитивных/положительных/одобрительных.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.

- Арутюнова Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1982. С. 5–23.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа: Рус. яз., 2000. 1233 с.
- Иванова М. В.* Разговорные компоненты в структуре древнерусских литературных текстов середины XV века // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. 2013. № 2. С. 5–12.
- Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 2005. 232 с. (Сер. «Лингвистическое наследие XX века»).
- Одинцов В. В.* Стилистика текста. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 264 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 18-е изд. М.: Рус. яз., 1986. 798 с.
- Петрушина М. В.* Модальное значение неодобрения и его реализация в речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2005. 24 с.
- Синенупова О. С.* Оценочная «картина мира» в публицистическом тексте (на материале печатных СМИ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2006. 13 с.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
- Чернявская Е. А.* Оценка и оценочность в языке художественной речи: На материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Брянск, 2001. 270 с.

Список источников

- Дневник – *Нагибин Ю. М.* Дневник. М.: Пик, 1996. 622 с.
- Итальянская тетрадь – *Нагибин Ю. М.* Итальянская тетрадь. М.: Подкова, 1998. 512 с.
- Любовь вождей – *Нагибин Ю. М.* Любовь вождей. М.: АСТ, 2004. 734 с.
- Нагибин Ю. М.* Собрание сочинений: В 4 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. 559 с.; Т. 2. 576 с.

K. V. Klimenko

Estimation as a particular method of the subjectivation and as a way to convey the author's position (on basis of the autobiographical prose by Yurii Nagibin)

The article is dedicated to the study of the methods which allow to express the estimation in the text of the autobiographical prose by Yurii Nagibin. The estimation is considered as a particular method of the subjectivation and as a way to convey the author's position in the autobiographical prose. The study of different linguistic works shows that the goal of the evaluative statement in most cases is to influence addressee in the specific way, as a result the estimation is closely connected with expressivity and emotionality. The estimation can be positive or negative and rational or emotional. Conducted analysis displays that in the autobiographical prose by Yurii Nagibin the estimation depends on the subjective perception of the narrator and allows to express his point of view. The article illustrates different methods of conveying increased expressivity in the artistic text such as stylistically marked vocabulary, morphological and word-formative methods.

Keywords: subjectivation, estimation, narrator, emotional estimation, rational estimation, vocabulary, nonce words.